

ции/экспрессии, экономии/избыточности [5, с. 13—25]. Но, разумеется, задачи исследования динамики в синхронии и диахронии в зависимости от ее языкового, речевого или текстового статуса различны. Мы ограничимся синхронным анализом категории динамики текста и попытаемся рассмотреть ее в композиционно-синтаксическом аспекте.

Современными исследователями понятие «динамика», как правило, закладывается в определение текста, так как процессом является не только его порождение, но и само его существование в восприятии читателя. При этом динамика художественного текста предстает еще и как *изображенная* динамика, несводимая к *отражению* физической динамики окружающего мира.

По отношению к тексту не всегда разграничиваются понятия «динамика» (традиционно определяемая как состояние движения, хо, развития, изменение какого-либо явления под влиянием воздействующих на него факторов) и «динамизм», или «динамичность», понимаемые как интенсивность движения, действия. Это разграничение тем более необходимо, что в работах по стилистике и лингвистике текста в качестве динамических рассматриваются подчас только фрагменты с акциональной рематической доминантой, содержащие глаголы движения или так называемые «кинематические речения». Однако динамика текста — это изначально присущее ему свойство, а динамизм, или динамичность, — свойства факультативные, поэтому было бы, например, непоследовательно определять динамику как «свободную стилевую черту» [6, с. 81, 82].

Для решения интересующего нас вопроса особую актуальность приобретают старые и несколько забытые споры членов ОПОЯЗа о сущности динамики и композиции текста. Приведем одно на первый взгляд парадоксальное высказывание Ю. Н. Тынянова: «Форма литературного произведения должна быть осознана как динамическая... Ощущение формы при этом есть всегда ощущение протекания (а стало быть, изменения) соотношения подчиняющего, конструктивного фактора с факторами подчиненными. В понятие этого „развертывания“ вовсе не обязательно вносить *временной* оттенок. Протекание, динамика может быть взято само по себе, вне времени, как чистое движение. Искусство живет этим взаимодействием, этой борьбой. Без ощущения подчинения, деформации всех факторов со стороны фактора, играющего конструктивную роль, — нет факта искусства» [7, с. 28].

Ю. Н. Тынянов, разумеется, не отрицает темпоральный характер развертывания художественного текста, что отрицать столь же невозможно, как и временной характер движения в целом. Полемиическая заостренность его высказывания обусловлена исследовательской избирательностью, подчеркнутой самим ученым («вовсе не обязательно вносить», «может быть взято»). Абстрагируясь от художественного времени, преобразующего время реальное, Ю. Н. Тынянов углубляет представление о текстовой динамике, переводит его в универсальный план. Динамика абсолютна для любого типа текста, она присутствует в нем объективно, независимо от воли автора или воспринимающего.

Если время — категория динамическая, то динамика текста может быть рассмотрена не только сквозь «призму времени»: исследователи различают динамику слова, образа, информации, повествовательного движения, взаимоотношений автора и персонажа, рода и жанра литературы.

Столь же непросто является и вопрос о соотношении понятий «динамика» и «композиция» текста. Ю. Н. Тынянов полагал, что «композиция» — термин «изжитой», и предлагал заменить его «динамикой», «чтобы избежать статического элемента» [8, с. 319]. Тем не менее заметим, что динамика текста и его композиция даже в узколингвистическом понимании не взаимозаменяют друг друга. За пределами динамического осмысления композиции остаются многие аспекты ее анализа. Точно так же, не только композиционно, может быть представлена и категория текстовой динамики.

Так, уже достаточно долгое время, но, может быть, не вполне осознанно она является объектом изучения различных направлений современного синтаксиса.